

пищу разделять съ ишканами и лѣсными животными; потому старецъ отказался отъ лѣба и сталъ питаться только плодами и овощами своего огорода, а въ послѣдніе дни съ половинною годю отказался даже отъ плодовъ и овощей и питался только отваромъ травъ, называемой сыткою. Но тѣмъ болѣе заботилса старецъ въ эти годы о пищѣ духовной. Чтеніе слова Божіа и снитоотческія творенія стало теперь предметомъ усиленныхъ замятій о. Серафима. Въ этотъ нестерпимомъ исочникѣ духовныхъ сокровищъ онъ изощрялъ не только ту высокую мудрость, которая въослѣдствіи въдержанію алекла въ немъ души, жаждущія познаний, но и ту духовную силу, которая немалымъ поражала даже опытныхъ въ подвижничествѣ иноковъ. Однакъ молитвенный подвигъ его въ этотъ періодъ по своей продолжительности и по снечу характеру, казался, выходя изъ предѣловъ возможнаго. Кромѣ всѣхъ ежедневныхъ молитвъ, всѣхъ дневныхъ церковныхъ богослуженій (кромѣ литургіа), всѣхъ иноческихъ келейныхъ молитвенныхъ правилъ, душа его непрестанно пребывала въ такъ называемой у иноковъ *умной молитвѣ* (молитвѣ безъ словъ, умомъ и сердцемъ). Умная молитва, по сиречьлвшему замѣчанію Поселанова, одно изъ поразительныхъ явленій духовной жизни подвижниковъ. Вслѣдствіе постоянного упражненія въ глубокой неразстанной молитвѣ она становится неотъемлемою потребностью, какъ бы дышаніе души. Умная молитва становится тогда непрестанной: во снѣ человекъ къ молитвѣ, уста спящаго проговорятъ слова молитвы. У одного умирнащаго старца сирочина: дѣйствуетъ ли въ немъ молитва. — „Течетъ“, отвѣтилъ снѣ, дѣлан рукой даваніе отъ головы къ сердцу.

Сталлиничество. — Но и этихъ не ограничился старецъ. Для рѣшительной побѣды надъ различнымъ родомъ искушеній онъ рѣшился на новый труднѣйшій аскетическій подвигъ — подвигъ сталличества.

На молоту между Серафимомъ и явлей о. Серафима, въ гутой чащѣ лѣса, лежала громадный камень — снала. На этотъ камень сталъ онъ всходить для молитвъ по началу и цѣлымъ почти напрямѣтъ жался здѣсь, стоя на козлахъ, на камнѣ, съ воздѣтныи къ небу руками, а цѣлымъ дни продолжалъ такой же подвигъ въ кельѣ, на жаломъ камнѣ. И продолжалось это сталличество и это молитвенное бдѣніе тысячу ночей на большомъ камнѣ въ лѣсу и тысячу дней на маломъ камнѣ въ кельѣ. Камень же снѣ требовалъ этого подвига? Конечно, онъ выше естественныхъ силъ человеческихъ, но не выше силъ духа человеческого, укрѣпленнаго Божіею благодатью. Этотъ сверхчеловѣческій подвигъ требовался духомъ старца для побѣды надъ искушеніями дуга ялобм. И старецъ побѣдилъ, хотя эта побѣда и потрясла его (нѣкогда цѣлѣющее и вѣрное, но къ этому времени болѣзнями и подвигами ослабленное) здоровье: у него возобновились болѣзнь вомъ, стиралась раны, отъ коихъ не исцѣлился онъ до конца жизни.

„Немально надумывавенся, говорить одинъ изъ живеоиснителей, надъ этии годами жизни подвижника. Что за спомное мученичество? Къ чему это постоянное терзаніе? Это трезлѣтнее патаніе себя отваромъ травъ сыткн, это отдаіе тѣла на жаліе восточныхъ, это тысячелѣнное и тысячочное століе на кннѣ. Къ чему эти самотерзанія? Къ чему, наконецъ, всѣ эти живннн бѣды, которыми подвергнулся до дни пустынножительства старецъ: то деревомъ его придалало, то разбойники его внблн до полусмерти. Казалось бы, все это болѣе, чѣмъ жаліе для человека, такъ много потрудившагося уже для спасенія. И тѣмъ оно и кажется людямъ обычнаго житейскаго крутора. Но не такъ смотрѣтъ на всѣ эти страданія и скорби тѣ избранники, которые воецѣло и безраздѣльно посвящаютъ себя на служеніе Богу, стремятся идти по стопамъ Христа. Это стремленіе достигать у днѣ такой силы, что нынѣшнн подвиганн оно не можетъ удовлетвориться. Такою снѣйство всѣхъ вышнхъ идеальныхъ стремленій челоѣческаго духа. Истинное стремленіе къ истинѣ: тѣмъ болѣе познаетъ